

РУССКОЕ ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЕ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ (КОНСПЕКТИВНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ)

Историк культуры не может пройти мимо стройной и простой концепции закономерности развития мировой культуры, изложенной Н. И. Конрадом в его книге «Запад и Восток» (М., 1966) и в статье «Об эпохе Возрожде-

ния» (Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967). Согласно этой концепции, прочно связавшей развитие мировой культуры с учением о смене исторических формаций, народы, полностью прошедшие через этапы рабовладельческой формации и феодализма, имели культуру своей античности, относящуюся к рабовладельческому периоду, культуру своего средневековья, связанную с феодализмом, и эпоху Возрождения, возникшую с появлением в феодальный период первых ростков капитализма. Возникновение культур античности, средневековья и Возрождения было, таким образом, не исторической случайностью, а исторической закономерностью, явлением «нормального» развития народов. Существенно, что каждый из этих этапов культурного развития имеет свои крупные культурные завоевания, и нет никаких оснований неравно расценивать их, принижать одни и выдвигать значение других. Отнесение тех или иных эпох к Возрождению не является актом их оценки. Вот что, например, пишет Н. И. Конрад о культуре средневековья в Европе: «Марксистская историческая наука показывает, что переход от рабовладельческой формации к феодализму в то историческое время имел глубоко прогрессивное значение. Это обстоятельство заставляет отнести к „средним векам“ иначе, чем относились к ним гуманисты. Отношение это было, как известно, отрицательным. Гуманисты видели в „средних веках“ время темноты и невежества, из которого, как им казалось, могло вывести человечество обращение к лучезарной „древности“. Мы же не можем не видеть в наступлении „средних веков“ шаг вперед, а не назад. Парфенон, храмы Эллары и Аджанты — великие создания человеческого гения, но не менее великими созданиями человеческого гения являются и Миланский собор, Альгамбра, храм Хорюдзи в Японии».¹

Идея наличия Возрождения в той или иной стране, в том или ином веке высказывалась в науке неоднократно. Писали о Возрождении в Грузии, Армении, Малой Азии, у южных и западных славян, у венгров и проч.² Принципиально важная сторона концепции

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966, с. 97.

² Литература по различным «Возрождениям» на Востоке и в Европе довольно обширна и в общем хорошо известна. В основном она перечислена в статье Н. И. Конрада «Об эпохе Возрождения» (Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 240—242).

Н. И. Конрада, почему-то не принимающаяся во внимание его критиками,³ состоит в том, что концепция мирового Возрождения является лишь частью более широкой картины мирового исторического процесса, в которой занимают свое место мировая античность и мировое средневековье. Античность, средневековье и Возрождение являются единой цепью культурных типов, связанных не только со смежной формацией, но и с законами развития культуры, при которых Возрождение наступает как обращение к античности, перекидывая мост к древности через промежуточный культурный тип — средневековье.

Разумеется, далеко не все народы имели в развитии своей культуры каждый из трех этапов. Не все народы прошли, например, через рабовладельческую формацию или через все этапы феодализма. Народами, которые полностью прошли этапы рабовладельческого строя и феодализма, Н. И. Конрад считает греков, итальянцев, персов, индийцев, китайцев.⁴ При этом Н. И. Конрад утверждает, что даже у этих народов культурные явления античности, средневековья и Возрождения имеют свои специфические черты в каждом отдельном случае. Говоря о китайском и среднеазиатском Возрождении, Н. И. Конрад подчеркивает: «Разумеется, ни в коем случае нельзя полностью отождествлять все эти явления. Если условно именовать их „возрождением“, то и „танское возрождение“, и „среднеазиатское возрождение“ имеют свои глубоко специфические черты, отличающие их друг от друга и каждое из них от „европейского возрождения“. Но

³ Типична в этом отношении статья Л. Эйдингса «Идеи и факты. Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения» (Иностранная литература, 1970, № 8, с. 214—228). Такое же непонимание концепции Н. И. Конрада в статье В. И. Рутенбурга «„Итальянское возрождение“ и „Возрождение мировое“»: «Интерес к человеку и вера в его силу совершенно по-разному формулировались, воспринимались и реализовались в разные эпохи и в разных странах мира и не могут сами по себе служить критерием для выявления наличия или отсутствия Возрождения. Вопреки этому, ссылаясь на наличие в китайской литературе элементов рационализма, гуманизма, лирической поэзии в VIII—XIII вв., акад. Н. И. Конрад утверждает, что эта „эпоха имеет также все права называться „Возрождением“ в том же большом историческом смысле“, что и эпоха Возрождения в Италии» (Вопросы истории, 1969, № 11). Стоит ли добавлять, что концепции Н. И. Конрада придан В. И. Рутенбургом купный и упрощенный характер.

⁴ Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 36.

вправе ли мы видеть только эти отличия, не обращая внимания на сходства, тем более что эти сходства лежат в историческом существе этих явлений?».⁵

Единство мирового развития культуры выражается, в частности, в том, что народы в случае пропуса у себя того или иного «закономерного» этапа развития культуры могут ускоренно проходить свое развитие, используя опыт соседних народов. При этом, как пишет Н. И. Конрад, имеет место «как бы „равнение“ отстающих (культур, — Д. Л.) на передовых, а не механическое перенесение общественных форм передового государства в отстающее».⁶ Отсюда ясно, что только прискорбной невнимательностью может быть вызвано то, что пишет о концепции мирового культурного развития Н. И. Конрада в своей последней книге В. Н. Лазарев: «Нередко термин „Возрождение“ употребляется как равнозначный термину „расцвет“. Так им пользуется в своих очень интересных работах Н. И. Конрад».⁷ Я не привожу дальнейшей критики В. Н. Лазаревым неких воображаемых им взглядов Н. И. Конрада на Возрождение, так как она с очевидностью показывает простое незнание этих взглядов.

Н. И. Конрад поставил вопрос о формах и уровнях эпохи Возрождения в отдельных странах, о типологических сходствах и различиях отдельных Возрождений, о положении каждого из Возрождений в мировом историческом процессе. Дальнейшее в этой статье — усиленная попытка осветить этот вопрос для России, в которой Возрождение только готовилось, но в силу ряда обстоятельств не осуществилось.

* * *

Возникшая в X в. с принятием христианства Русью связь ее с культурой Византии и Болгарии, а через них и с культурой всей христианской Европы не могла уже прерваться. Связь эта позволила Руси миновать «нормальные» стадии в развитии культуры, перешагнуть через них и в «ускоренном» порядке подняться, минуя ступень античности, к культуре средневековья. «Было бы насто-

⁵ Там же, с. 95.

⁶ Там же, с. 35.

⁷ Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. М., 1970, с. 31.

ящим историческим анахронизмом для Руси IX в. н. э., — пишет Н. И. Конрад, — создавать у себя государство на рабовладельческой основе, когда ведущей страной в этом районе Европы была феодальная Византия».⁸ Русь сразу же включилась в орбиту культурной общности средневековой Европы. Ее культура не была изолированной, «островной», «... в условиях международной общности, — пишет Н. И. Конрад, — отстающие народы либо утрачивают самостоятельное место в мировой исторической жизни, а то и вовсе исчезают, либо стремятся подтянуться к уровню того передового, что образовалось в орбите этой общности, орбите в предшествующие эпохи жизни человечества региональной, в новую же эпоху — общемировой».⁹

Культура Древней Руси, под которой мы подразумеваем культуру, общую для восточных славян в пределах до XIV в., отнюдь не утратила своей самостоятельности и вскоре оказалась достаточно высокой. Русская литература XI—XIII вв. отличается высокими идейными и художественными достоинствами, создает новые жанры, энергично откликается на требования своей действительности, обладает ярко выраженными своеобразными чертами. Искусство изобразительное также не может быть определено как искусство «византийской провинции», как примитивное и отстающее: своеобразные, национальные черты делают древнерусское искусство одним из самых значительных в тогдашней Европе.

Высокий уровень культуры Древней Руси (XI—начало XIII в.) объясняется не только развитием городской жизни и монастырей, экономическими связями на огромных пространствах, но и обширностью ее культурной общности. Орбита культурной общности Древней Руси охватывала всю христианскую Европу и христианскую Малую Азию.

В этой орбите после разделения церковей прошла глубокая трещина. Орбита тем не менее не уменьшилась, ибо связи со странами римско-католической культуры сохранились, но обаяние западной, римско-католической части этой орбиты в значительной мере поблекло для Руси. Сократилась не протяженность орбиты, а интенсивность связей с ее западной частью. В частности, успешно начав-

⁸ Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 35.

⁹ Там же.

шиеся в XI в. культурные отношения с Чехией ослабли и перестали развиваться.

Гораздо сильнее был удар, нанесенный культурной общности Руси со средневековой Европой татаро-монгольским нашествием и последовавшим затем чужеземным игом. Культурные сношения с Византией и Западом затруднились, распалось и единство самих восточных славян.

Однако только эта, европейская орбита общности оставалась действительной и во все последующее время. Несмотря на «сожительство» с татаро-монголами, общности с ними не создано. Русь осталась для своих поработителей потопувшим Китежем. Насилие не создает ни культуры, ни культурных взаимодействий. Влияние Востока на формы политической жизни Руси совершалось за пределами духовной культуры, было враждебно культуре.

Важно отметить тот примечательный факт, что следы влияния восточного эпоса, имевшиеся в русских летописях в XII начале XIII в., совершенно исчезают после татаро-монгольского завоевания. В период ига восточное влияние не обнаруживается ни в письменности, ни в искусстве. Только после освобождения восточное влияние проникает во все виды искусства (следы этого влияния могут быть уловлены в орнаментике, в прикладном искусстве, в зодчестве) и сказывается в письменности.

Предвозрожденческие тенденции в развитии русской культуры наметились во второй половине XIV в. — несколько позже, чем на Западе и в Византии. Предпосылкой этих тенденций явилась прежде всего культурная общность Руси с христианской Европой, хотя и ослабевшая, но не исчезающая во второй половине XIII и первой половине XIV в., а во второй половине XIV и в XV в. начавшая вновь быстро развиваться. В исследовательской литературе неоднократно отмечались усиление переводческой деятельности, приезд на Русь ученых книжников, строителей, художников из Византии, Болгарии, Сербии, возобновление отношений с Константинополем и Афоном и т. д. Тому же способствовал рост монастырей и городов — в первую очередь Новгорода, Пскова, Москвы, Твери и Ростова, в которых развивалась городская жизнь, не стесненная еще абсолютистским государством. Ослабление чужеземного ига и рост национального самосознания сыграли также немаловажную роль.

Прежде всего остановимся на некоторых стилеформирующих признаках русского Предвозрождения.

Как известно, Возрождение «открыло человека».¹⁰ Оно открыло человека через утверждение самостоятельности его ума и мысли. Возрождение дало человеку право свободной, независимой от теологии мысли. Поэтому полное открытие человека было связано с секуляризацией.¹¹

Предвозрождение же предвосхитило открытие человека, и прежде всего в области его эмоциональной жизни. Индивидуальность человека в эпоху Предвозрождения была признана в сфере эмоций, а затем уже в сфере мысли. Предвозрожденческая эмоциональность перекликалась с иррационализмом и мистицизмом¹² и не была связана с секуляризацией. Предвозрождение не являлось поэтому простым началом Возрождения.

Стилеформирующая особенность Предвозрождения — появление повышенной эмоциональности в искусстве, иррационализм, экспрессивность, динамизм, мистический индивидуализм. Предвозрождению на Руси в равной степени принадлежат такие различные творческие индивидуальности, как Феофан Грек и Андрей Рублев, экспрессивный стиль Русского Хронографа, Елифания Премудрого, Пахомия Логофета и сдержанная эмоциональность Повести о Петре и Февронии Муромских. В живописи и литературе усиливается стремление отразить индивидуальные образы персонажей, развивается интерес к темам материцтва, к изображению страданий Христа и Богоматери, появляются элементы жанра, повествовательность, а в композицию вносится сильное движение. Движение пронизывает собой все искусства, в том числе и

¹⁰ Термин Мшиле и Буркгарта, который приписывает Н. И. Конрад (Запад и Восток, с. 254).

¹¹ Н. И. Конрад пишет: «В чем, собственно говоря, проявилось „открытие человека?“. Прежде всего в понимании, что он может мыслить сам — как подсказывает его Разум. Именно это и заложено в том, что называют секуляризацией теоретической мысли, происшедшей в эпоху Возрождения» (Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 254).

¹² Говоря о рационализме и мистицизме, Н. И. Конрад замечает: «И тот и другой — лишь различные пути к одному и тому же: к освобождению человеческого сознания от власти догм; к выходу в сферу полной духовной, а это значит и творческой, свободы, а именно это и было необходимо для движения вперед человеческой мысли, общественной жизни, культуры, науки» (Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 263).

архитектуру. В литературе, в частности, достигают сильного развития эмоциональное и динамическое «плетение словес», интерес к слову, к его выразительным качествам, стремление к словесной утонченности — своего рода «сластный новый стиль», так отчетливо и выразительно представленный в творениях Епифания Премудрого.

То обстоятельство, что открытие человека совершилось в Предвозрождении по преимуществу в эмоциональной сфере, не означает, что оно не имело идейных, интеллектуальных корней. Открытие так или иначе сказывалось в новых теологических сочинениях, в умственных течениях, в интересе к тем или иным явлениям и памятникам прошлого. Различные знамения времени мы можем открыть во враждебных друг другу, казалось бы, взаимоисключающих идейных движениях. Эпохе Предвозрождения принадлежат и исихасты, и их противники варлаамиты. И тут и там можно найти признаки Предвозрождения. Но сильнее и отчетливее всего эти признаки представлены, пожалуй, именно у исихастов.

* * *

Исихазм, начавший проникать в Россию с середины XIV в.,¹³ нельзя рассматривать только как богословскую основу Предвозрождения. Исихазм был «знамением времени», типичным представителем новых настроений, стремлений и идей. Зодчие и художники могли «совпасть» с богословами и не читая их произведений. Нельзя также безапелляционно делить отдельные течения в живописи и в богословии на «прогрессивные» и «реакционные», положительные и отрицательные, передовые и отсталые, относя исихазм целиком к одной из этих рубрик. Прямое деление и грубые оценки по такому способу свидетельствуют об известном примитивизме исследовательского мышления.

Не отрицая наличия серьезных богословских расхождений внутри исихазма, особенно между различными этапами его развития, нельзя, однако, преувеличивать значение этих расхождений для русского изобразительного

¹³ См.: Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. — В кн.: Литературные связи древних славян. М., 1968, с. 86—108.

искусства. Францисканство также имело разные этапы своего существования. Ранний этап францисканства был, может быть, в каком-то отношении более «прогрессивен», чем последующий, когда францисканство было официально признано и поддержано католической церковью. Однако, говоря о роли францисканства в развитии предвозрожденческих идей, вряд ли возможно утверждать, что раннее францисканство влияло на развитие живописи положительно, а позднее — отрицательно.

Художники не всегда были настолько точными богословами, чтобы точно и адекватно отражать в своем искусстве отдельные виды и направления какого-либо умственного движения. Новые идеи могли появляться одновременно в богословии, искусстве, литературе, сказываться безотчетно в различных областях культуры. Тем более трудно предполагать, чтобы на искусство воздействовали или не воздействовали идеи в зависимости от политических позиций «идееносителей».

Для живописи и литературы имели значение не преимуществу стилеформирующие тенденции исихазма: не его утверждения, а характер этих утверждений, не концепции, а их стиль, тип, способ восприятия мира и т. д.

Вместе с тем следует иметь в виду, что исихазм не столько породил новые идеи, сколько возродил и акцентировал старые, введя их в новую структуру. Исихазм опирался на идеи, давно зрелые в скитническом монашестве, на Афон, имевшиеся в святоотеческой литературе. Он опирался на традиции. Вот почему влияние исихазма на Руси сказалось не столько в появлении у нас сочинений самого Григория Паламы и его предшественника Григория Синаита, сколько в усиленном переводе и переписке рекомендованной исихастами старой теологической литературы. Для «молчальников» на Руси в XIV—XV вв. был характерен интерес к сочинениям Исаака Сирина, Диодоха Фотийского, Исихия, Никиты Стифата, Симеона Нового Богослова, Василия Великого, Нила Синайского, но прежде всего и сильнее всего — Псевдоареопажита, Иоанна Синайского («Лествичника») и Максима Исповедника.¹⁴ Сочинения Псевдоареопажита («Дионисия

¹⁴ О том, на какие сочинения опирался исихазм, см.: *Кривошеин В.* Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы. — *Seminarium Kondakovianum*, Прага, 1936, vol. 8, s. 100—101. Ср. приводимые здесь сведения с данными о сделанных на Руси переводах: *Соболевский А. И.* Переводная литература

Ареопагита») с толкованиями Максима Исповедника были переведены в 1371 г. иноком Исайей, Поучения Исаака Сирина — около 1381 г. безмолвниками лавры св. Саввы аввами Патрикием и Авраамием, «Слово по вопросу и ответу постническому» Максима Исповедника — в 1425 г. Иаковом Доброписцем в афонской лавре св. Афанасия по просьбе «убогого Евсевия, ценолюбного Ефрема Русина».

Среди сочинений, типичных для новых настроений на Руси, следует указать также «Диоптру» инока Филиппа и Скитский патерик, оказавших большое влияние на сюжеты росписей в Волокове (Сказание о Христе в образе нищего), Мелетова (Сказание о Богородице и скоморохе) и др.

Исихазм отразил тот же интерес к внутренней жизни человека и к его эмоциональной сфере, который был характерен для литературы и живописи конца XIV—XV вв. Он выразил интерес к личности человека, к его индивидуальным переживаниям, к движениям душевным и страданиям телесным, в споре души и тела стал на сторону тела. Исихазм, с одной стороны, сблизил человека и божество, а с другой — учил о конечной непостижимости божества.

Сверхматериальные состояния личности изображались в литературе и живописи и ранее, но теперь они стали связываться с эмоциями, с мистическими переживаниями отдельной и часто уединенной личности. Учение Григория Паламы о конечной непостижимости божества для разума и о невозможности выразить божество в слове находило себе соответствие в литературе, в стиле «плетения словес», в обычных предисловиях авторов, где они говорили о невозможности выразить словом всю святость тех тем, за которые брались, сетовали на отсутствие у них «небесного языка». Невозможность познания бога умом не означала, однако, невозможности общения с богом.¹⁵

Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 15—19. Ср. также: *Архангельский А. С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, с. 136—137. Полного учета переводной литературы все же не сделано; именно поэтому в перечисленные работы не попали, например, имевшиеся на Руси переводы сочинений Григория Паламы.

¹⁵ Григорий Палама утверждал: «Если мы даже и богословствуем и философствуем о предметах совершенного, отдаленных от материи, то хотя и можем приближаться к истине, но далеко от видения бога и настолько различно от общения с ним, на-

Напротив, богословие, живопись и литература стремились именно к общению с божественным и искали его в эмоциональной и иррациональной сфере, в области личных ощущений, мистических озарений, в области всего мгновенного, неповторимого, сугубо индивидуального, движущегося, в нематериальном свете и соединяющей все существующее божественной энергии.

* * *

Открытие человека в эмоциональной сфере и динамичность предвозрожденческого стиля были связаны с другим родственным явлением — возникновением первых ростков нового исторического сознания. Для средневековья история — это прежде всего движение событий, но не изменение сущностей. Вечное и неизменное преобладает над меняющимся настолько, что последнее охватывает только второстепенные явления — «суету мира сего». В XIV и XV вв. возникает сознание, что прошлое имеет существенные отличия от настоящего — не только в событиях истории, но и в чем-то более значительном, обладающем целостностью в самом себе. Предвозрожденческое ощущение неповторимости личности и личных переживаний стилистически родственно осознанию индивидуальностей эпох, принципиальных отличий прошлого от настоящего.

Позднее, в эпоху Возрождения, идея возвращения к прошлому, к античности, потому и стала возможной, что создались новые представления об исторической изменчивости мира, появилось новое историческое сознание. Зародыши этого нового исторического сознания возникли и в русском Предвозрождении. Новое историческое сознание поддерживалось на Руси не только всеми веяниями Предвозрождения, но основывалось на изменениях в самой действительности — на развитии борьбы за освобождение от татаро-монгольского ига.

Эпоха независимости Руси — X—XIII вв. — предстала в это время как нечто идеальное. Это отношение к домонгольской эпохе выразилось в фольклоре (циклизация былинных сюжетов вокруг князя Владимира Красного Сол-

сколько обладание отличается от знания. Говорить о боге и общаться с ним... не одно и то же» (*Кривошеин В. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы, с. 102*).

нышка и Киева), в летописании (обращение к «Повести временных лет»), в политической мысли (возведение рода московских государей к роду Владимира I и Владимира Мономаха), в архитектуре (многочисленные реставрации зданий домонгольской поры и подражания им в Новгороде в начале XV в.), в живописи (реставрации домонгольской живописи и появление домонгольских влияний в живописи Рублева и художников его круга), в литературе (появление «нестилизованных подражаний» «Слову о полку Игореве», «Житию Александра Невского», «Слову о погибели Русской земли», «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, проповедям Кирилла Туровского и проч.).

«Своя античность» — период домонгольского расцвета древнерусской культуры — при всей ее притягательности для Руси конца XIV—XV в. не могла, однако, замесить собой настоящей античности — античности Греции и Рима с их высокой культурой рабовладельческой формации. И дело здесь вовсе не в том, что одна из этих культур была значительно выше и развитее другой и создала больший расцвет личности и личной культуры, а в том, что идейное содержание домонгольской культуры Руси было в целом однородно русской культуре XIV—XV вв. Эта культура была проникнута теми же христианскими основами. Между тем наибольшее оплодотворяющее значение имеет всегда культура чужая, культура иного характера, иного типа. Именно «другая» культура, встреча двух разных культур обладает наибольшими «генетическими способностями». Не следует забывать и о том, что освобождение культуры от богословия — характерной черте Возрождения — могло способствовать обращению к античности с ее иной религией (плюс на минус дает нуль), но не могло благоприятствовать обращению к однородной, христианской же, культуре Киевской Руси.

* * *

Поскольку движение Возрождения и, следовательно, Предвозрождения лежит в пределах общего и «закономерного» развития культуры, через которое проходят при своем «нормальном» развитии все крупные народы, позволено спросить: чему соответствует и с чем типологически может быть сопоставлено русское Предвозрожде-

ние? Не следует ли видеть аналог русскому Предвозрождению в итальянском Проторенессансе XI—XII вв.?

Проторенессанс, «Перворенессанс», первая фаза Ренессанса, по существу, не отличается как будто бы от Ренессанса.¹⁶ Проторенессансное искусство, как и Ренессансное, обнаруживает, с точки зрения В. Н. Лазарева, стремление к «реалистическому пониманию художественного образа», «к обмирщению формы», к преодолению средневекового аскетизма, к обращению к античности и т. д. Различие между Проторенессансом и Ренессансом не столько качественное, сколько количественное. Итальянский Проторенессанс сменился готикой.

Для В. Н. Лазарева поздняя готика в Италии — явление реакции средневековья, прерывающее поступательное развитие культуры и отбрасывающее ее назад. Стремясь во всем различать либо прогрессивное, либо реакционное направление в искусстве, В. Н. Лазарев видит в готике прежде всего реакцию. отождествляя Ренессанс с реализмом,¹⁷ со светским началом и обращением к античности, он не замечает в поздней готике ничего, что бы предвещало собой Ренессанс. Однако при всей резкости смены эрпаментальной и декоративной поздней готики простым и лаконичным Ренессансом поздняя готика, взятая не только как явление стиля, но и как явление культуры в целом, чревата Ренессансом, хотя в пределах религии поздняя готика несет в себе пробуждающийся индивидуализм, эмоциональность¹⁸ и близко связанные с ними яв-

¹⁶ Во всяком случае В. Н. Лазарев, посвятивший Проторенессансу специальную книгу — «Искусство Проторенессанса» (М., 1956), не отмечает принципиальных отличий Проторенессанса от Ренессанса.

¹⁷ В. Н. Лазарев воспринимает Ренессанс главным образом как «мощное реалистическое течение» в искусстве (Лазарев В. Н. Искусство Проторенессанса, с. 28).

¹⁸ В. Н. Лазарев характеризует готику как чисто абстрактное искусство и исключает из нее в высокой степени присущую ей эмоциональность. Говоря о том, что Джованни Пизано не принадлежал целиком готике, В. Н. Лазарев пишет: «Готическая абстрактность мышления растворяется у него в страстной взволнованности человеческого чувства». Последнее В. Н. Лазарев выносит за пределы готики и отмечает, что, отталкиваясь от готики, Джованни приходит к частичному ее отрицанию (Лазарев В. Н. Искусство Проторенессанса, с. 99). Однако об эмоциональности и психологичности готики писалось много. Соплюсь хотя бы только на Э. Панофского (*Panofsky Erwin. Gothic Architecture and Scholasticism. Ed. 9. Cleveland; New York, 1968, p. 6*).

ления стиля: динамизм, отдельные элементы натурализма, иллюзионистического пространства и т. д.

Русское Предвозрождение — отдаленный аналог поздней готике. Подобно тому как поздняя готика связана с идеологией нищенствующих орденов, и в первую очередь с францисканством, византийское и русское Предвозрождение связано с исихазмом. То же мистическое самоуглубление и мистический индивидуализм, то же стремление к уединенной молитве, то же внимание к слову, повышенная эмоциональность и т. д. Это не значит, что исихазм и францисканство во всем близки. Между ними есть очень серьезные различия, которых мы сейчас не касаемся. Мы улавливаем лишь культурно-исторические аналогии, сходство формирующих культуры стилизованных особенностей.

Поздняя готика не только непосредственно предшествует Ренессансу и тем уже одним является Предренессансом, но она несет в своих недрах черты, предвещающие Ренессанс по существу. В целом готика противоположна Ренессансу, но только в целом, а не в частности, многие из которых подготавливают собой Ренессанс. В готике появляются индивидуализм и эмоциональность, развивается более живое наблюдение природы, быта, человеческих чувств, появляются уже профессиональные зодчие, художники, писатели и в связи с этим усиливаются в искусстве технический расчет, профессиональная виртуозность, индивидуальный почерк мастера и индивидуальность, неповторимость самого художественного образа произведения.

* * *

Предвозрождение на Руси не принесло с собой Возрождения. Следующая за Предвозрождением ступень не смогла развиваться. Причин тому было много. Одна из них заключалась в том, что для этого недостаточно было собственных культурных сил. «Своя античность» не могла заместить собой настоящей античности, основанной на расцвете культуры рабовладельческого общества. Падение Византии оборвало ту культурную общность, которая так необходима была для развития культуры. Будь Византия жива и во второй половине XV в., она, возможно, развила бы в себе элементы Возрождения. Русь, однажды

уже поравнявшись на Византию, должна была в дальнейшем равняться и на Возрождение.

Сыграло свою роль и падение городов-коммун — Новгорода и Пскова. Духовные силы народа поглощались трудным развитием централизованного государства. Союз церкви и государства укрепил церковь, способствовал подчинению церкви государству и усиливал церковь государственной помощью против еретиков и свободомыслищих. Процесс секуляризации, с самого начала недостаточно активный из-за отсутствия своей языческой античности, был подавлен и выразился только в огосударствлении церкви, отнюдь не способствовавшем открытию человека в сфере мысли. В XVI в. начинается полоса застоя с некоторыми, впрочем, посторонними вкраплениями ренессансных мотивов и других заимствований в архитектуре, изобразительном искусстве и общественной мысли.

Историческую миссию Возрождения припало на себя в XVII в. барокко.

В искусствоведении и литературоведении не все «доказывается». Многого только показывается и характеризуется. Характеристики стиля эпох могут быть только даны, но не могут быть «доказаны». В данной статье мы стремились показать место русского Предренессанса в движении русской культуры.

(Историко-филологические исследования. М., 1974, с. 17—26)